

УДК 94(47)''1917 / 19''.008

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КОЛЛИЗИИ РОССИЙСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ ИЕРАРХИЙ, 1914 – 1916. (К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ)**

В. П. Булдаков

Российская академия наук,
Институт российской истории, г. Москва

В статье показано, что Первая мировая война не только не привела к консолидации российского общества, но и, напротив, обострила противостояние имперских культурно-организационных иерархий.

Ключевые слова: Первая мировая война, культура, управление, бюрократия, элиты, эмоции, массовое сознание, общественное недовольство.

Мировая война стала шоком для европейских культурных элит. Российское образованное общество восприняло её не только как «войну империй», но и «войну культур». Подъем патриотизма мог обернуться созданием своего рода «имперской нации». В действительности мощные коллизии массового сознания повлекли за собой разрушение *внутриимперских* культурно-организационных иерархий.

К настоящему времени структура патриотических настроений изучена слабо¹. Существует точка зрения, что доминировал «мотив правого дела», согласно которому «все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать все для армии»². Действительно, война обостряет ощущение *справедливости* (точнее, его архаичную составляющую³); на основе агрегированного эмоционального императива всеобщей самоотдачи, казалось бы, возможно было достижение более высокой степени «национального» (имперского, надсословного) единения. Почему этого не случилось в России?

Исследователи высказывают сомнения, что достижение патриотического идеала могло состояться где бы то ни было в силу инерции крестьян-

¹ Попытка примерить европейское «настроение 1914 года» к российским реалиям (см.: *Поршнева О. А.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история.* 2010. № 2. С. 185–200) производит впечатление исследовательской беспомощности.

² *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // *Россия и Первая мировая война.* СПб., 1999. С. 212.

³ В России это предполагало наличие тотальной установки на своего рода «мирскую обязанность», не допускающую ни для кого никаких отклонений. См.: *Тутолмин С. Н.* Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914 – 1917 // *Нестор.* 2003. № 6. С. 401.

ской ментальности⁴. Но не обнаружился ли в России попятный процесс – тотальное отчуждение от «непатриотичной» власти? Правда ли, что «межсистемное неустойчивое равновесие России начала XX в. разбилось о войну?»⁵. Если так, то как скоро обозначился механизм этого процесса?

Несомненно, что в России ощущение всеобщей опасности могло способствовать восстановлению доверия между властью и народом. Между тем особенностью поведения правящих верхов стал рост тотальной подозрительности. Это особенно заметно по неформальным записям заседаний Совета министров. Данный документ передает *эмоциональные реакции* верхов на происходящее, так или иначе сопряженные с теми, которые исходили снизу.

* * *

Начало войны обнаружило невиданную манифестацию единения народа с властью. «... Мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа», – записывал в дневнике Николай II⁶. Энтузиазм не был поддельным, что поразило высших чинов полиции⁷. Заметны были плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство!» При появлении царской четы толпа упала на колени. Рабочие-манифестанты заявляли, что приложат все силы для победы, прежние разногласия с властью объясняли «семейным делом», отошедшим на задний план. В день объявления войны в столице опустели всегда битком забитые трибуны ипподрома⁸, резко упал заработок официантов⁹. Нечто подобное отмечалось повсеместно. 26 июля 1914 г. на приеме в Зимнем дворце политической элиты империи подъем был необычайный¹⁰.

Патриотические демонстрации состоялись практически во всех крупных городах. В Екатеринбурге они продолжались два дня, в них приняли участие свыше тысячи человек, лозунги были типичными: «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Германию!»¹¹. Впрочем, не обходилось без скептиков. С. Е. Трубецкой утверждал, что в начале войны 1914 г. монархисты не ощутили в себе «живого монархического чувства при торжественном выходе Государя в Москве»¹². А между тем перспективы национального единства связывались именно с царствующей личностью.

⁴ См.: *Zietann B.* War Experiences in Rural Germany. 1914 – 1923. Oxford; New York, 2007.

⁵ *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. С. 66.

⁶ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477.

⁷ *Глобачева С. Н.* Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 104.

⁸ *Глезеров С. Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. М.; СПб., 2009. С. 611.

⁹ *Поршинева О. А.* Указ. соч. С. 192.

¹⁰ См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 91–95.

¹¹ *Поршинева О. С.* Указ. соч. С. 188.

¹² *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 10.

В 1915 г. император предпринял длительный вояж по России, включая поездки на фронт. Но насколько засевавшая в его сознании идея о необходимости быть поближе к «простому солдату» была правильно оценена? Во время посещения Николаем II Харькова отмечали взрыв энтузиазма: «... студенты кричали “Ура!”, а курсистки бросали цветы». Но он же считал, что правительство не сумело «воспользоваться тем, что «не только красные, а даже розовые притихли», и «поднять величие трона на небывалую высоту». Люди авторитарного сознания сожалели, что тогда не нашлось «сильной петровской руки, чтобы взять дубину...»¹³. Впрочем, известно и другое: революционеры-интеллигенты возмущались, узнав, что их детей брали поглазеть на «тирана»¹⁴. Как бы то ни было, традиционная «вертикаль власти» не ко времени оказалась лишена силового наполнения. Это усиливало *страх непредсказуемости* в сознании масс. Преодолеть его можно было только через ощущение растущей *силы государства*.

В связи с этим стоит задуматься: сыграл ли отъезд императора в Ставку мобилизующую роль? Известно, что политические верхи были против отъезда. Чем они руководствовались? Боязнью того, что управление окончательно распадётся на «военное» и «гражданское»?

Между прочим, ещё в октябре 1914 г. болгарский военный атташе сообщал, что настроение в столице было «неустойчивым», люди «считают, что напрасно царь сидит во дворце и игнорирует фронт»¹⁵. В это же время П. Б. Струве заявлял: «Мы ощутили себя в войне нацией и государством, русскими и Россией»¹⁶. Его бывшие сподвижники думали иначе. «Есть что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне», – полагал Н. А. Бердяев¹⁷. В свою очередь, А. Белый упрекал Бердяева за несвоевременность рассуждений о «Душе России» – это, как и «хлесткие рефераты», представлялось ему «пустопорожним занятием»¹⁸. Эмоциональный разнобой в верхах был очевиден. Ф. А. Степун упрекал официальных идеологов в «публицистической нечестности» и «философском доктринерстве»¹⁹.

С именем Николая II стало связываться удивительное по народным понятиям новшество – «сухой закон». В Совете министров констатировали, что «шинкарство... сводит на нет усилия власти»²⁰. К тому же ограничение продажи спиртного обернулось рекрутскими погромами, которые пришлось подавлять силой. Это оставило тем более дурной осадок, что вместо

¹³ Туник С. А. Белогвардеец. Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 166.

¹⁴ Юркевич Ю. Л. Минувшее проходит предо мною. М., 2000. С. 51.

¹⁵ Державный военно-исторический архив Болгарии (далее – ДВИАБ). Ф. 22. Оп. III. А.е. 229. Л. 187.

¹⁶ Отечество. 1914. № 4. 23 нояб.

¹⁷ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 44.

¹⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 51.

¹⁹ Степун Ф. А. (Н. Лунгин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 75.

²⁰ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 27.

ожидаемого недобора призывников (на 20 %) обнаружился их перебор²¹. Однако в правительстве настаивали (В. А. Сухомлинов) на запрете спиртного до конца войны²². В результате «сухой закон» был воспринят как покушение на ритуал и традицию, что не могло не вызвать скрытого раздражения низов. В верхах этого не замечали. В Совете министров не без гордости заявляли, что «это возможно было сделать только в России и только русскому царю»²³.

Антиалкогольная дурь получила и общественное воплощение. Пресса публиковала данные о снижении преступности²⁴, писали, что «в быт деревни ворвалась целая революция» и «бабы благословляют трезвость»²⁵. Победу над пьянством ставили на один уровень с победой в войне: «“Зеленый змий” поражен, а там справятся с тевтонским драконом и, наконец, победят и гидру невежества...»²⁶. В мае 1915 г. «Вечернее время» поместило обращение «К женщинам России», в котором предлагалось скинуться на памятник Николаю II – освободителю «от пьяного рабства». Царь и министры восприняли эту инициативу сдержанно²⁷. А между тем «народная» пресса уверяла, что «лишь пронеслось в воздухе слово “война”... как все кругом переродилось: наш вековой недуг – пьянство... сразу отошел в область печальных преданий»²⁸. Увы, скоро последовали сообщения, что «на улицах стали появляться пьяные»²⁹, а в декабре 1916 г. из Области Войска писали: «По хуторам и станицам научились курить спирт, пьянство развивается удивительно быстро, процветает картежная игра, население развращается»³⁰.

* * *

Российская империя обладала рядом особенностей, которые делали её особенно уязвимой. Главная опасность была связана с гетерогенностью культур управляющих и управляемых. Если со времен Петра культура управленцев представляла невнятный симбиоз вотчинных и бюрократических начал, то оппозиционеры мыслили европейскими или славянофильскими абстракциями, а простые подданные оперировали установками традиционного общества. Война могла либо нивелировать отмеченную противоречивость, либо усугубить противостояние «языков культур».

²¹ Совет министров Российской империи. С. 43.

²² Там же. С. 28.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Трезвая жизнь. 1914. № 10-11. С. 262–263, 365.

²⁵ В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 1. 3 июля. С. 39, 40; № 23-24. 4 и 11 декабря. С. 2.

²⁶ Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 28.

²⁷ Совет министров Российской империи. С. 167.

²⁸ Друг пахаря: двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустройству. Саратов. 1915. № 1. С. 5.

²⁹ Трезвая жизнь. 1914. № 12. Декабрь. С. 476.

³⁰ Цит. по: Охранка предупреждала: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт» / публ. Ю. И. Кирьянова // Родина. 1999. № 11. С. 21.

Империю можно представить как систему исторически сложившихся функциональных иерархий, которые следовало поддерживать в состоянии динамического равновесия. В самодержавной России это происходило не столько в результате их взаимной притирки и конвенционального сотрудничества, сколько с помощью указующих импульсов центра. Теоретически можно предположить, что в результате общенародного подъема, сопровождающегося встречными движениями со стороны власти, движение к гражданскому обществу – единственное, что могло обновить, то есть «спасти» империю, – могло стать необратимым. Однако, на деле, архаичная сословная структура лишь пополнилась олигархическим компонентом и массой маргиналов.

В православной империи, восходящей, с одной стороны, к «застойным» византийским образцам, с другой – к «монгольскому» мобилизационному управлению, духовное начало должно было соответствовать управленческим иерархиям³¹. На деле происходило противоположное: государственность теряла идеологов в лице духовенства, а бюрократия распространяла всеобщую подозрительность. В начале войны А. В. Пешехонов предостерегал: «Государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли»³².

Положение усугублялось расчленением управления между военным и гражданским ведомствами. Уже 17 октября 1914 г. Н. М. Маклаков заявил о пагубности разделения губерний на обычные и прифронтовые: «Два правительства – дом сумасшедших»³³. В мае 1915 г. министр заговорил «о путанице власти» ввиду вмешательства Ставки во все дела³⁴. Призрак «двоевластия» появился не в марте 1917 г., а много ранее.

* * *

В предвоенной России верхи и низы всё меньше понимали друг друга как на уровне ближайшего, так и общенационального интереса – общего патриотического «языка» не находилось³⁵. Положение смогла бы спасти церковь, точнее, вера. Но в полиэтничной, поликонфессиональной и всё же *православной* империи положение дел даже в официально патронируемой монархом конфессии обстояло не лучшим образом. Можно говорить лишь об успешных локальных попытках «национального единения»³⁶.

³¹ См.: Булдаков В. П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.

³² Русское богатство. 1914. № 9. С. 293–294.

³³ Совет министров Российской империи. С. 85.

³⁴ Там же. С. 169.

³⁵ Stites R. Days and Nights in Wartime Russia: Cultural Life, 1914 – 1917 // European Culture in the Great War. Cambridge, 1999. P. 9.

³⁶ См.: Максимов К. В. Возникновение и деятельность Восточно-русского культурно-просветительского общества в г. Уфе в 1916 году // Русские Башкортостана. История и культура. Уфа, 2003. С. 176–182.

При этом обнаружился один весьма специфичный источник бунтарства. Жёны ушедших в армию мужчин, получивших денежное пособие, позволявшее вести «праздный» (сравнительно с привычным) образ жизни, зачастую вели себя агрессивно – последовали бунты из-за дефицита. В Симбирске в результате «бабьего бунта» было 3 убитых и 10 раненых³⁷. Получалось, что система, ничего не сумевшая гарантировать, смогла разбудить непомерные потребности и тем самым ухитрилась частично превратить традиционную «этику выживания» в «этику ожидания».

В сущности, все новейшие беды России связаны с тем, что к началу XX в. её социокультурное распадение на «город» и «деревню» стало болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную остроту этого ощущения. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело. И нет никаких признаков того, что этот процесс сдерживала единая вера.

В армии с духовным единением также обстояло не лучшим образом. Правда, усилиями энергичного протопросвитера русской армии о. Георгия Шавельского в июле 1914 г. был проведён первый (и последний) съезд армейского духовенства, разработавший специальную инструкцию для военных священников³⁸. Однако скоро выяснилось, что в действующей армии не хватает походных церквей³⁹, службы проводятся формально, проповеди редки, не говоря уже об индивидуальной работе с паствой. Журналы публиковали рисунки, на которых военный священник, случайно забредший в расположение австрийский войск, смог убедить 26 солдат-славян, перейти на сторону русских⁴⁰, но А. И. Деникин со временем признал, что «духовенству не удалось вызвать религиозного подъёма среди войск...»⁴¹.

Совершенно не случайно славянофильски-соборные интенции порой принимали карикатурные формы. Чрезвычайно резко высказался на этот счёт Н. А. Бердяев. В «первородной биологии» вечно плаксивого В. В. Розанова он увидел манифестацию «бабьего и рабьего» в русской душе⁴². А провинциальный юмористический журнал так характеризовал «о чём думают и что творится в Баку»: о железнодорожном воровстве, о шампанском, о тюрьме, о шантанах, о плутовской любви, о благотворительных концертах, о «газетной утке»⁴³. Нечто подобное происходило и в других городах России – обыватели всех мастей попросту заслонялись от реалий войны.

³⁷ Совет министров Российской империи. С. 348.

³⁸ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопросвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 79.

³⁹ Ривош Я. Н. Время и вещи: очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 261.

⁴⁰ Огонек. 1914. № 37. С. 1.

⁴¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 79–80.

⁴² Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 40, 47.

⁴³ Джигит (Баку). 1916. № 3. С. 5.

* * *

Основная масса деятелей культуры и искусства принялась по-своему осваивать довольно непривычную для себя патриотическую тему. Русский футуризм до войны был ориентирован на разрушение традиционной картины мира. Теперь на фоне мировых катаклизмов клоунада и гаерство футуристов стали казаться неуместными и неприемлемыми. Один из журналистов сформулировал это следующим образом: «Возможно ли теперь все то шутовство в искусстве, которым заполняли его всевозможные эгопозы, полосатые футуристы – “музы кривлянды?” Великий поворот совершает жизнь людей и искусство». Интерес ко всякому искусству упал. По свидетельству современника, «положение московских художников в материальном отношении с начала войны резко ухудшилось. Заказы почти совсем прекратились... “Меценат” сократился и предпочитает выжидать более удобного времени. А широкой публике не до картин»⁴⁴. В дальнейшем положение выровнялось. Началась череда благотворительных выставок, объединявших представителей разных направлений («Художники – товарищам-воинам»; «Художники Москвы – жертвам войны» и др.). Появились совместные сборники и альманахи с участием символистов и футуристов⁴⁵.

В творческой среде не обошлось без шовинистических перегибов. В сентябре 1914 г. на заседании Литературно-художественного кружка И. А. Бунин сочинил проект воззвания русских писателей по поводу немецких зверств⁴⁶. 10 октября на собрании кружка решался вопрос об изгнании из его среды этнических немцев. Тех, кто не соглашался, клеймили как «изменников»⁴⁷.

Казалось, все готовы были стать «патриотами». В. Брюсов, будучи корреспондентом «Московских новостей», сочинял стихи о славянском единении⁴⁸. Однако З. Гиппиус с раздражением отмечала в своём дневнике, что Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой просто «осатанели от православного патриотизма»⁴⁹. Провинциальная пресса убеждала: «Мы страдаем... за дорогих нам братьев-славян, за святыни, поруганные врагом, носящем имя христиан»⁵⁰. В 1915 г. С. Есенин обнаружил, что в

⁴⁴ Крусанов А. В. Русский авангард: 1907 – 1932 (Исторический обзор). В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. С. 480.

⁴⁵ См.: В эти дни. М., 1915; Бельгийский сборник. Пг., 1915; Стрелец. Пг., 1915; и др.

⁴⁶ Его подписали такие писатели как А. М. Горький, А. С. Серафимович, Г. Скиталец и др.; с ними соседствовали такие разномастные публицисты, как П. Б. Струве, Н. Г. Михайловский, Л. А. Тихомиров; поставили свои подписи художники А. М. Васнецов, В. М. Васнецов, К. А. Коровин, скульптор С. Д. Меркулов, певец Ф. И. Шаляпин. См.: Русское слово. 1914. 27 сент.

⁴⁷ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 1. С. 186–187.

⁴⁸ Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914 – 1918). Helsinki, 1995. P. 43.

⁴⁹ См.: Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 294; Россия и Первая Мировая война. С. 332.

⁵⁰ Друг пахаря. С. 3.

современной женской поэзии существуют два основных направления: «Ярославны плачут» и «Жанна д'Арк»⁵¹. Сам он в тогдашних стихах умилялся подвигом юных «царевен», выступивших в роли сестёр милосердия.

В армию отправились видные представители русского модерна⁵². Со временем в творческой среде зазвучали совсем иные – пацифистские и апокалиптические, а не патриотические – ноты. Д. Мережковский, Л. Андреев и другие заговорили о недопустимости шовинистической истерии. Тот же Андреев уверял, что война помогла русским избавиться от «роковой нерешительности» и «мнительности»⁵³. Это уже походило на стремление выдать желаемое за действительное – качество, укоренённое в русской культуре. С антивоенных позиций выступил 30-летний Е. Замятин, за что был даже сослан (правда, в марте 1916 г. его, как кораблестроителя, откомандировали в Англию – там строились ледоколы для России). Художник П. Филонов представил апокалиптическую картину военных ужасов, позднее дополненную живописным рядом, навеянным собственным военным опытом.

С осени 1914 г. начали открываться выставки в пользу воинов и их семей, в произведениях художников также появились военно-патриотические мотивы. В начале 1915 г. на 43-й выставке передвижников была выставлена картина Юрия Репина «Бой под Тюренченом», впечатлившая самого М. В. Нестерова⁵⁴. Но иные художники словно стыдились патриотической стадности. Скоро появлялись картины совсем иного звучания: «Мартовское солнце» К. Юона (1915 г.) было пронизано миром, надеждой и покоем. Показательна позиция лидера российских авангардистов Д. Бурлюка, перебравшегося в Башкирию. Периодически навещаясь в столицы, в 1916 г. на выставке «Бубнового валета» он представил большую картину «Татары 1224 года – пир победителей на трупах побеждённых (Батый)». «Страшную картину Вы, Давид Давидович, написали», – отозвался о ней М. Горький. Не следует, однако, увлекаться поиском профетической составляющей тогдашних творческих поисков – у искусства свои задачи, художник скорее отвергает навязчивую действительность, нежели идет у нее на поводу. Сотоварищ Бурлюка В. Маяковский вел себя по-другому. В начале войны в Москве, выступая на одной из площадей, свою речь он закончил так: «Мы вытрем русские штывки / Об австрийский бархат и шелки!»⁵⁵.

Значительное место военно-патриотическая тема заняла в кинематографе. Особый интерес у зрителей вызывала кинохроника. Наряду с этим возрос интерес к классике. При этом характерно, что все заметные произведения русских писателей стали редуцироваться кинематографом на угоду

⁵¹ Сергей Есенин в стихах и жизни: поэмы, 1912 – 1925; проза, 1915 – 1925. М., 1995. С. 251–254.

⁵² Крусанов А. В. Указ. соч. С. 481.

⁵³ Андреев Л. Н. В сей грозный час: статьи. Пг., 1914. С. 66.

⁵⁴ Нестеров Н. В. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 280.

⁵⁵ Ключ И. В. Мой путь в искусстве. Воспоминания, статьи, дневники. М., 1999. С. 77–78.

толпе⁵⁶, – это было своеобразным индикатором вульгаризации культурной жизни. В театрах также стали предпочитать русскую классику⁵⁷. Спектакли предварялись исполнением гимна. Иногда к этому добавлялись военно-патриотические инсценировки. Так, в театре Корша 15 августа сезон открылся низкопробной пьесой «Генеральша Матрена». Перед спектаклем на сцене под звуки своих гимнов продефилировали солдаты союзных армий⁵⁸.

Некоторые современные авторы отмечают слабость тогдашней официальной мобилизационной пропаганды⁵⁹. Такие мнения смотрятся как отголосок «агитпроповских» установок на формирование массовых настроений. Между тем последние эволюционируют по своим собственным законам; официальная пропаганда может либо «подправить» их соответственно нуждам власти, либо «помочь» развернуться в противоположном направлении. В любом случае речь должна идти прежде всего о сущностном содержании пропаганды, а не о количественной её стороне. Строго говоря, российские элиты обнаружили сверхординарную активность. Лейтмотивом пропаганды стало утверждение, что «миролюбивая Россия борется за правду, за защиту славянства»⁶⁰, – в целом это вполне отвечало народным представлениям о справедливости. Другое дело, что слабым оказывалось антигерманское агрессивное начало. К тому же власть пошла по пути ограничения *mass media*. Это повлекло за собой распространение неуправляемых пугающих слухов.

В годы войны начался невиданный взлёт искусства плаката, преимущественно в лубочных формах. Некоторые авторы считают, что подобная изопродукция была востребована рабочими⁶¹. Особых пропагандистских достижений здесь не наблюдалось – современники отмечали, что карикатуры на немцев и Вильгельма «дешево остроумны и несколько не смешны»⁶². Это относится и к Маяковскому⁶³. Вульгарная пропаганда в сочетании с бодряческим рифмоплетством вряд ли могла основательно впечатлить массы⁶⁴.

⁵⁶ См.: Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007. С. 264–277.

⁵⁷ Петровская И. Ф. Театр и зритель российских столиц. 1895 – 1917. Л., 1990. С. 58.

⁵⁸ Дадамян Г. Г. Театр в культурной жизни России (1914 – 1917 гг.). М., 2000. С. 12.

⁵⁹ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 65.

⁶⁰ См.: Россия борётся за правду. Пг., 1914; Великая война 1914 года. Пг., 1914.

⁶¹ Хубертус Я. Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху войн и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 381.

⁶² Иорданская Е. Детские журналы и война // Дошкольное воспитание. 1914. № 9. Стб. 663.

⁶³ См.: Русский военный лубок. Ч. 1. Первая мировая война. М., 1955. С. 53, 78, 85, 93. Его тексты были созвучны частушкам и военным песням того времени. См.: Симков В. И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. Пг., 1915; Солдатские песни: сб. военных песен. Ярославль, 1915.

⁶⁴ Авторами плакатов были также А. Лентулов, К. Малевич, И. Машков, Д. Моор и др., творчество которых получило известность в годы Гражданской войны.

Тогдашний патриотизм, адресованный «народу», принял шапкозакладательский стиль, прославляющий победы русских «чудо-богатырей». В лубочных изданиях, донской казак Кузьма Крючков «со товарищи» косил немецких пехотинцев, верховный главнокомандующий Николай Николаевич дубасил кайзера сковородкой по голове. Тема «Родина в опасности» почти не развивалась, зато не забывали рассказать, что в Галиции захвачены «громadne склады овса, галет, муки, риса, консервов и табаку»⁶⁵. В цирке и кинематографе также делался упор на inferнальность кайзера⁶⁶.

В марте 1915 г. появилось Общество возрождения художественной Руси. Инициатором его создания стал кн. А. А. Ширинский-Шихматов, доказывавший, что Петербург остаётся «нерусским» городом, а потому следует бороться против «иностранины за “родную старину” путем распространения в русском народе знаний о русской истории и русском искусстве»⁶⁷. Для «преемственного возрождения художественно-бытовой Руси» предлагалось добиваться введения преподавания истории искусств в школе, составлять каталоги, организовывать хранилища, заняться собиранием памятников русского прикладного искусства, объявлять всевозможные конкурсы, в частности на изготовление мебели в «русском стиле» для общественных учреждений. В Общество входили по преимуществу великие князья и сановники⁶⁸. Не исключено, что за этими начинаниями стоял вполне прозаический интерес – интерес к коллекционированию антиквариата необычайно возрос.

* * *

Масса российских либералов мыслила по-милюковски, мечтая о завоевании Константинополя и проливов, не считаясь ни с чем. Иные из них в своих геостратегических фантазиях готовы были переплюнуть крайних шовинистов. Рассуждали, что мировая война создает условия, в которых Россия будет способна встать во главе общеевропейской культурной организации. Между тем утопии в кризисных ситуациях становятся опасными.

Некоторые авторы полагают, что в связи с войной перед русским либерализмом встала поистине трагическая дилемма: как совместить любовь к немецкой культуре с ненавистью к германской военщине, как «победить в себе внутреннего немца»⁶⁹. Отношение русской интеллигенции к Западу действительно было амбивалентным: достижениями высокой куль-

⁶⁵ См.: Русский военный лубок. Ч. 1. Первая мировая война. М., 1995.

⁶⁶ Гинзбург С. С. Указ. соч. С. 199.

⁶⁷ Среди членов оказались великие князья Константин, Игорь и Гавриил Константиновичи, граф А. А. Бобринский, А. В. Кривошеин и другие представители высшего чиновничества и аристократии. См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 10, 217, 240, 249–253.

⁶⁸ РГИА. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 214; Д. 16. Л. 1–18.

⁶⁹ См.: Плотников Н., Колеров М. «Победить в себе внутреннего немца». Русская национально-либеральная философия войны (1914 – 1917) // Россия и Германия в XX веке М., 2010. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 26–58.

туры восхищались, «дух филистерства» презирали. Проблематика «внутреннего немца» могла волновать только узкий сегмент философов (В. Эрн, С. Булгаков, С. Франк, П. Струве, Е. Трубецкой, Д. Муретов), настолько привыкших подражательно следовать за «авторитетами», что это стало их сутью – малоуместной в военное время. Подобная рефлексия разваливала естественное патриотическое чувство.

Выдвижение «сверхзадач» – оборотная сторона комплекса неполноценности. В. Ф. Эрн, между тем, утверждал, что «распадение Европы... на два враждующих стана... совершенно гармонирует с двойственной славянофильской оценкой Европы как “гниющего Запада” и как “страны святых чудес”»⁷⁰. По мысли С. Н. Булгакова, Россия призвана спасти Запад от духовного вырождения на основе возрожденного эллинизма и представить ему «нововизантийскую» культуру православного Востока⁷¹. Война лишь усилила «беспочвенность» интеллигенции. Объективно перед «протогражданским» подданным встала задача победить в себе «русскую бабу» (Н. Бердяев) – застарелый продукт патерналистской развращённости. Это предполагало ориентацию на рационалистически-мобилизационный («немецкий») тип культуры, как реальный путь к гражданскому единению.

Образование Земгора усугубило подозрения властей к либералам. Вражда персонифицировалась: Г. Е. Львов казался «двуличным фарисеем». Отсюда заключали: «Каков поп – таков приход. Одно сплошное фарисейство – весь этот союз»⁷². Скоро деятельность Земгора стали связывать с евреями⁷³. Росло недовольство министров и «патриотичными» депутатами Думы: «Каждый заводит госпиталь и просит денег»⁷⁴. Находили и конкретных «злоумышленников». Сухомлинов в связи с недовольством снабжением армии оправдывался: «Дело раздуто... Давит Родзянку честолюбие. Хочется ему играть роль. Вот он и мутит, бегая в Ставку». Его поддержал В. К. Саблер: «Родзянко соткан из неправды и дышит ложью»⁷⁵. Крайне недовольны министры были и прессой. «Брань и суждение голословное», – негодовал А. В. Кривошеин. «Надо прихлопнуть левое и правое издание», – предложил «либерал» П. А. Харитонов, имея в виду как «День», так и «Русское знамя». «Дать в морду, а затем разговаривать», – согласился Н. Б. Щербатов⁷⁶. В октябре 1915 г. А. Н. Хвостов возмущался тем, что «Новое время» оказалось «в руках Мануса и Рубинштейна»⁷⁷. Предлагалось даже закрыть «Петроградский курьер»⁷⁸.

⁷⁰ Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. С. 397.

⁷¹ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание: публичная лекция. М., 1915.

⁷² Совет министров Российской империи. С. 139.

⁷³ Там же. С. 213.

⁷⁴ Там же. С. 105.

⁷⁵ Там же. С. 109. В марте 1916 г. С. Д. Сазонов полагал, что «Родзянко всех терроризирует своим голосом и фигурой» (Там же. С. 326).

⁷⁶ Там же. С. 223.

⁷⁷ Там же. С. 291.

⁷⁸ Там же. С. 293.

21 августа 1915 г. в Совете министров прозвучало: «Все партии переворота пользуются войною для натиска»⁷⁹. О единении власти и общества не приходилось и мечтать. Ф. И. Родичев вспоминал: «Кучер Николай завёл разговор. “Намедни, – говорит – на станции офицер с войны на побывку ехал. Надо, – будто бы говорил этот офицер, – повесить цареву женку, да цареву матку, тогда всё будет хорошо”»⁸⁰. Системный кризис империи провоцировался аффектированными эмоциями.

В качестве подстрекателей выступали не только либералы. Даже В. М. Пуришкевич, основатель «Общества Русской государственной карты», понимал, что на предстоящий раздел мира нужно «дать такую карту, которая была бы... признана нашими союзниками». Некоторые учёные мужи исходили из иных посылок. «Стоило послушать только, что говорил... длиннобородый А. Ф. Васильев, чтобы понять, до каких абсурдов можно довести дело, отдай его в руки учёным теоретикам славянофильского лагеря», – сетовал Пуришкевич⁸¹. Непрактичные люди – а такие в патерналистской системе не могли не преобладать – не могли положить на алтарь Отечества ничего, кроме пылких эмоций и эфемерных фантазий.

Если слой образованных людей не находит применения своему естественному призванию к лидерству и управлению, то в критических обстоятельствах из него сложится антисистемное сообщество, вольно или невольно работающее против оттолкнувшей их государственности. И рано или поздно его доктринальные установки начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками.

* * *

Россия располагала достаточно мощным ядром фундаментальной науки. Однако российские учёные считали более естественным и престижным публиковаться за границей, нежели внедрять свои открытия в отечественное производство. Тем не менее В. И. Вернадский выражал надежду, что война способна создать новую ситуацию в области изучения и использования российских природных богатств и производительных сил. В январе 1915 г. он выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. В феврале 1915 г. Академия наук готова была отказаться от «чистой» науки. Вернадский призывал к мобилизации учёных-естественников и даже гуманитариев по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, работающих на нужды обороны⁸². Но были заметны и другие учёные. Так, К. А. Тимирязев выступал как левый пацифист и негодовал по поводу военного использования

⁷⁹ Совет министров Российской империи. С. 238.

⁸⁰ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме / Ed. by К. Е. McKenzie. Newtonville, 1983. С. 96.

⁸¹ См.: Пуришкевич В. М. Дневник. Рига, 1924. С. 42–43.

⁸² Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. Т. 1. С. 140.

научных достижений⁸³. В целом технократическое начало обозначилось довольно робко.

Соединения «капитала ума и капитала денег» в любом случае не получалось. Идея «американизации» предпринимательства имела довольно широкое распространение, хотя у неё были и свои противники. Но протекционистские формы государственного индустриализма развращали, «национальная модель» капитализма не складывалась⁸⁴. Об этом заговорили в верхах. П. А. Харитонов заявил: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно»⁸⁵. 12 июня 1915 г. говорили о том, что владельцы копеек желают брать на работу «беженцев, пленных, финляндцев, а болтают о китайцах и японцах». По словам С. В. Рухлова, им хотелось устроить «концентрационный лагерь в Донец[ком] бассейне»⁸⁶.

В обществе много говорилось о разгильдяйстве⁸⁷. Некоторые требовали: «Нам надо не смолкая писать и говорить о нашей нищете, лени, невежестве, а не успокаивать себя сказками»⁸⁸. В связи с пожаром на Златоустовском заводе В. Н. Шаховской заявил, что «вокруг пьянство при попустительстве полиции»⁸⁹. Такие случаи были закономерны: насаждаемый властью индустриализм не имел естественной социокультурной базы. Более того, теперь образованная часть рабочих терялась в массе молодых выходцев из деревни. В результате пополнения рабочего класса деревенской молодёжью его общий культурный уровень падал. Особенно заметно это было в социокультурной ситуации «завод – рабочий посёлок»: крупное производство оформляло подобие квазиобщинного социума, в рамках которого маргинализуемые традиционалистские низы ещё острее ощутили свою противоположность «барской» культуре. Исторический протознос (крестьянство) вступал в конфликт с городской (нивелирующе-космополитичной) культурой. В таких условиях гражданского единства сложиться не могло.

В обществе распространилась атмосфера «пира во время чумы», связанная с коррупцией. Роскошь бросалась в глаза. Мемуаристы писали о модницах, руки которых «чуть ли не до локтей были в золотых браслетах», некоторые носили браслеты на ногах – «всё это сверкало на солнце и встречалось на всех центральных улицах, на бульваре, в парке, не говоря уже о театрах»⁹⁰. В декабре 1916 г. Андрей Белый жаловался, что в его душе «зреет бунт» при виде «блистающих бриллиантами дам, футуристов,

⁸³ Тимирязев К. А. Наука и демократия. Сборник статей. 1914 – 1919 гг. М., 1963. С. 342–357.

⁸⁴ Ананьич Б. В. Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война. С. 107, 110–111.

⁸⁵ Совет министров Российской империи. С. 119.

⁸⁶ Там же. С. 181.

⁸⁷ См.: Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 494–495.

⁸⁸ Пасечник Н. Деревенская Россия // Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. С. 296.

⁸⁹ Совет министров Российской империи... С. 322.

⁹⁰ Миклашевская Л. Повторение пройденного. Из воспоминаний // Миклашевская Л., Катерли Н. Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век. СПб., 2007. С. 79–80.

религиозных искателей, газетных работников...»⁹¹. Положение стало настолько неуместным, что Кривошеин предложит сократить часы представлений в театрах, а затем «закрыть увеселения и рестораны»⁹².

Война привела к нарушению финансового равновесия. И это было связано не только с введением «сухого закона». 18 июня 1915 г. П. Л. Барк признал: «Надо ждать крушения финансовой системы»⁹³. Министры чувствовали себя беспомощными.

Власть разрушалась отнюдь не в результате «обострения классовой борьбы». В начале 1916 г. в полицейских донесениях констатировалось, что бунты «устроены исключительно женщинами, преимущественно солдатками, и произошли только благодаря неимоверной алчности торговцев, поднявших цены на предметы первой необходимости», в первую очередь сахар⁹⁴. В феврале 1917 г. вызревшие в связи с неурядицами в области снабжения «вечно бабьи» эмоции взорвали и власть, и страну.

* * *

На фоне нараставшего хаоса заседания Совета министров иной раз напоминали сборища озлобленных параноиков. Министры обнаруживали всё большее бессилие. «Патентованные патриоты» словно намеренно пытались оказать им дурную услугу. Так, «Общество 1914 года» обратилось к С. Д. Сазонову с «письмом неприличного тона», предлагающим тотальную чистку правительственных учреждений от лиц «немецкого происхождения». По мнению министра, в этом случае пришлось бы «1/2 служилой России устранить» как «предателей». Таких «патриотичных» крикунов Сазонов называл «гадостью и дрянью»⁹⁵. Тем временем управленческий разнобой усиливался. «Действуем вслепую страхом за отечество, – признавал Кривошеин 24 августа 1915 г. – Историки не поверят, что воевали вслепую и привели её (страну. – В. Б.) на край гибели. Бессознательно умираем за родину»⁹⁶. Было заметно, что воля к принятию продуманных решений была парализована ожиданием невнятных и непредсказуемых монарших указаний.

Противник довольно трезво оценивал возможности России. Германские специалисты предполагали, что поражения произведут мощное деморализующее воздействие на «невежественные русские массы»⁹⁷. В сентябре 1916 г. ими была отмечена внутренняя слабость русской армии: отсутствие единства между солдатами и офицерами⁹⁸ (в начале войны в российской прессе писали, «что между офицерами и нижними чинами... установились

⁹¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 85.

⁹² Совет министров Российской империи. С. 227.

⁹³ Там же. С. 186.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. ДП. 4 Д. 1916. Оп. 125. Д. 42. Ч. 3. Л. 38.

⁹⁵ Там же. С. 344.

⁹⁶ Там же. С. 239.

⁹⁷ ДВИАБ. Ф. 22. Оп. II. А.е. 229. Л. 129, 144.

⁹⁸ Там же. Ф. 48. Оп. V. А.е. 292. Л. 240.

чрезвычайно тесные отношения, отличающиеся взаимной заботой и вниманием»⁹⁹). Слабости имперской системы были очевидны.

Дело не просто в том, что архаичная система пыталась мобилизовать слишком обширные и гетерогенные этнотерриториальные и социокультурные пространства. «Взятый в разных исторически сложившихся противопоставлениях (город – деревня, “верхи” – “низы”, государство – общество, интеллигенция – власть, русские – нерусские, армия – гражданское население, офицеры – нижние чины, фронт – тыл и т. п.) перегородчатый российский организм сам по себе являлся вряд ли преодолимым препятствием для массовой индоктринации и мобилизации духовных ресурсов», – отмечают некоторые авторы¹⁰⁰. Но дело не только в этом: мобилизационные импульсы сверху должны были сомкнуться с самоуправленческими интенциями снизу. Этого не могло произойти, что было чревато растущим недоверием к власти.

Разумеется, параметры проблемы «Война и империя» много шире, обозначенных в данной статье. Несомненно, однако, что подходить к ней следует в рамках синергетических процессов, связанных с диффузией агрегированных представлений масс.

Список литературы:

1. *Ананьич Б. В.* Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
2. *Булдаков В. П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1.
3. *Гинзбург С. С.* Кинематография дореволюционной России. М., 2007.
4. *Глезеров С. Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. М.; СПб., 2009.
5. *Дадамян Г. Г.* Театр в культурной жизни России (1914 – 1917 гг.). М., 2000.
6. *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
7. *Петровская И. Ф.* Театр и зритель российских столиц. 1895 – 1917. Л., 1990.
8. *Поршнева О. А.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2.
9. *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
10. *Тутолмин С. Н.* Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914 – 1917 // Нестор. 2003. № 6.
11. *Хубертус Я. Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху войн и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

⁹⁹ *Никаноров И.* Героические времена // Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. С. 329.

¹⁰⁰ *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 61.

12. *Hellman B.* Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914 – 1918). Helsinki, 1995.
13. *Stites R.* Days and Nights in Wartime Russia: Cultural Life, 1914 – 1917 // European Culture in the Great War. Cambridge, 1999.

**WORLD WAR I AND CLASH OF RUSSIAN CULTURAL
HIERARCHIES, 1914 – 1916 (ON FORMULATION THE
PROBLEM)**

V. P. Buldakov

Institute of Russian History of RAS, *Moscow*

The article shows that World War I not only consolidated Russian society, but on contrary intensified the confrontation of imperial cultural and organizational hierarchies.

Keywords: World War I, culture, government, bureaucracy, élites, emotions, mass consciousness, civil discontent.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Ph.D, senior researcher of the Institute of Russian History of RAS.

E-mail: buldakov_vladimir@yadex.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2012